

Ольга Ярошинская

ВЕДЬМА ПО НАСЛЕДСТВУ
ДВЕ НЕВЕСТЫ ДРАКОНА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Ольга Ярошинская

Две невесты дракона

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

Москва, 2019
 SARMA
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Я77

Серия основана в 2011 году
Выпуск 449

Художник
О. Бабкин

Ярошинская О. А.

Я77 Две невесты дракона: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 313 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2901-1

Королевство медленно умирает после войны, победа над лесным народом обернулась поражением. Дни становятся короче, зимы длиннее, а на горе появился дракон, требующий невесту королевской крови.

К нему отправляют принцессу и внебрачную дочь короля. Одна будет женой лорда и взойдет на престол, вторая достанется чудовищу. При таких ставках в игре нет правил. Обе девушки не хотят расставаться с жизнью и готовы на все, чтобы завоевать любовь лорда, который везет их к Драконьей горе. Проводник, знающий дорогу через Дикий лес, — котолок, потерявший способность обращаться в зверя. Но отчего его так тянет к внебрачной дочери короля? Кем была ее мать?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2901-1

© Ярошинская О. А., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

Красный сургуч на конверте был сломан. На одной половине осталась голова дракона с распахнутой пастью, на другой — загнутый хвост. Тело раскрошилось и осыпалось, пока конверт передавали из рук в руки, письмо явно прочитали многие. Теперь и Дерек держал желтоватый лист бумаги, по которому бежали ровные строчки, перечеркивающие все его надежды.

Альфин, прозванный Железным, сидел на троне, наблюдая за реакцией Дерека, и взгляд его вонзался в середину лба лорда, точно тупой гвоздь. Годы не брали короля: черты оставались жесткими, будто вырезанными из камня, неровные пятна веснушек густо усыпали кожу, красно-рыжие волосы торчали над короной густой щеткой. Он держал кубок, украшенный по ободу чеканкой, но было видно, что рука его с легкостью удержит и меч.

Казалось, Альфин намеревается править королевством вечно.

Он водил Дерека за нос уже несколько лет, прельщая своей единственной дочерью и возможностью стать преемником трона, — и вот теперь письмо. Подозрительно вовремя. Может, письмо — фальшивка? Но как бы Альфин смог договориться с драконом?

— Где сейчас Лилейна? — хрипло спросил Дерек, борясь с желанием смять лист в кулаке. Вместо этого он аккуратно вложил письмо в конверт. Советник Альфина, тощий и несуразный, как богомол, бесшумно появился из-за спины короля, спустился к стоящему перед тронем Дереку, взял письмо и вернулся в тень.

— Она в замке матери.

— Как ее здоровье?

— Лучше, — сухо ответил король.

Еще бы. Нэш, который, казалось, мог добывать сплетни прямо из воздуха, говорил, что болезни Лилейны существовали лишь в фантазиях Альфина, оттягивавшего их свадьбу уже третий год.

— Вы обещали ее мне, — выпалил Дерек и тут же устыдился своего порыва.

— Ты ведь сам все понимаешь... — ответил король, потирая лоб. Корона съехала вверх, обнажив на лбу толстую натертую полосу цвета сырого мяса.

Дракон появился десять лет назад в Серебряных горах. Он будто пробовал силы: пламя вырывалось из пасти, перечеркивая небо, охватывая редкие рощи и посевы. Склон горы, где пролегла знаменитая жила, оплавился, превратившись в зеркало. Полыхающие поля походили на огненное море, ветер гнал по нему горячие волны, и если бы не крики людей, это было бы даже красиво...

— Дерек, у меня есть идея... — прошептал ему на ухо Нэш, и лорд, позабывший о слуге, вздрогнул от неожиданности. — Дракон требует невесту королевской крови, вашу дочь, — выпрямившись, обратился к королю Нэш. — Но в письме не указано, что это обязательно должна быть Лилейна.

— Она мой единственный ребенок, — нахмурился король.

— Вы уверены? — спросил Нэш. — Она единственная законная наследница, но ведь могут быть и другие девушки...

— Можно отправить дракону незаконнорожденную! — воскликнул Дерек.

— У меня нет других отпрысков, — поджал губы Альфин. Щека, перечеркнутая коротким шрамом, дернулась. — Я ценю святость брачных уз куда выше, чем твой отец.

Кровь бросилась в лицо Дереку.

— А если мы найдем? — не сдавался Нэш.

— Если бы это было возможно... — Альфин поправил корону, и она встала на место, закрыв натертую полосу. — Увы. Я люблю свою дочь, но дракон не оставил мне выбора. Я несу ответственность за людей, за королевство и не хочу повторения того, что случилось в Серебряных горах.

— Как вы знаете, мой лорд был рожден вне брака, — ответил Нэш. — Однако отец признал его благодаря старинному магическому артефакту.

Дерек покосился на кольцо, которое не снимал с пальца уже очень давно. По легенде, белый камень, крепко охваченный серебряными лепестками, был вовсе не камнем, а глазом пифии.

— Если вы дадите нам каплю крови, ваше величество, мы сможем попытаться...

Богомол-советник появился из-за трона, желтые глаза его сердито сверкнули, но Альфин остановил его жестом руки.

— Конечно. Я сделаю все для спасения Лилейны. Если вдруг есть хоть малейший шанс... Может, еще до брака... — Он стыдливо усмехнулся.

Нэш стащил кольцо с руки Дерекса быстро и ловко, как уличный воришка, и лорд невольно подумал, что не все знает о своем слуге. Подойдя к королю, Нэш вынул из кармана нож. Макнув его в кубок короля, легонько ткнул острием в подставленный палец, передавленный у основания перстнем, и поймал каплю крови кольцом.

Красные прожилки пронизали белый камень, впитываясь, собрались сгустком в центре. Глаз пифии прозрел.

— И что теперь? — спросил король, недовольно рассматривая порез на пальце, кровь из которого капнула на ковер у подножия трона. — Станете мерить кольцо всем девкам на конюшне?

— Нет, разумеется, — не смутился Нэш. — Это отняло бы у нас слишком много времени. Кольцо засияет, если дитя с вашей кровью окажется поблизости. А если надеть его на палец вашему ребенку — камень вспыхнет и снова побелеет.

— Что ж, удачи. — Король кивнул, давая понять, что аудиенция закончена. — Лилейна отправляется к дракону завтра.

Дерек едва заставил себя поклониться и стремительно вышел из зала.

— Серебряный бастард переходит все границы, — прошипел советник, появившись из-за плеча короля, как только двери за Дерексом захлопнулись.

— Брось, Шесп, я думал, все пройдет хуже. Я кормил его завтраками несколько лет, его клинки защищали столицу от горцев, а серебро текло в казну.

— Жила истоцилась, а жалкий клочок земли, что достался ему от папаши, не идет даже в сравнение...

— Никто и не сравнивает. Малыш Дерек был полезен, но я рад, что все так обернулось.

— Но Лилейна...

— Толстая тупая девка. Копия своей мамы, — поморщился Альфин.

— Ты не видел ее несколько лет.

— Увижу уже завтра. Кто знает, может, для нее, да и для нас все сложится неплохо. — Он задумчиво потер подбородок, испачкав его кровью, опомнившись, отдернул руку. — В письме говорится, что дракону нужна невеста. Королевских кровей. Не жертва — невеста. Так что, быть может, он не сожрет ее. Или хотя бы не сразу. Куда выгоднее породниться с драконом, чем с bastardом, пусть даже и серебряным. Этот союз мог бы изменить весь мир...

— Думаешь, дракон — обычный перевертыш?

— Это ты должен думать, — скривился Альфин.

— Все сведения о драконах чрезвычайно зыбки. Когда-то все земли континента принадлежали им, они правили в этом самом замке, но, по-видимому, не слишком дальновидно. В войне пепла драконы пали, и не появлялись больше трех сотен лет. Болтают, что дракон — проклятие лесного народа. Мечь выживших в войне.

— Никто не выжил, — буркнул Альфин. — Враки это все. Я был там, когда мы брали Дикий лес. Лесные люди не убежали, не прятались. Маленькие, как дети, хрупкие. Злые, как бешеные псы. Завораживающие. — Он прикрыл глаза. — Последние сражались в храме. Дивные мастера эти дикие! Каменные плиты на полу были подогнаны так плотно, что в стыки и ноготь не всунешь. Кровь не просачивалась — так и текла рекой, сапоги замарал до щиколоток. В любом случае, даже если бы не пришло письмо, я не собирался отдавать Лилейну Дереку. Уверен, что сразу после их свадьбы я бы скоростижно помер.

— Я так не думаю, — задумчиво произнес советник.

— Да ты что! — процедил Альфин. — Дерек пытал собственного папашу, чтобы тот признал его наследником. Это всем известно. Камешек в его кольце удобно ткнуть под нос сомневающимся — и только. Думаешь, рука бастарда дрогнула бы у моей груди? К тому же его любят! Если бы он сел на трон вме-

сто меня — никто и не пикнул бы. Серебряный бастард, Сверкающий Клинок...

— Дерек смазливый, — сказал Шепп. — Наверное, похож на свою мамашу-шлюху. В народе говорят, что в нем есть кровь лесных. Люди надеются, что если он сядет на трон, то старые боги вернутся и зима станет короче, а лето длиннее, как раньше.

— Наверняка он сам и распускает эти слухи, — фыркнул король. — Где это видано — бастард на троне!

— Тем не менее чернь его любит. Думаю, он не стал бы тебя убивать сразу после свадьбы. Дерек — не дурак. Он повременил бы до появления на свет наследника от Лилейны.

Король нахмурился и, выхватив из руки Шеппа протянутый белоснежный платок, прижал его к уколотому пальцу. На ткани расцвело алое пятно.

— Его слуга мне не нравится, — задумчиво протянул Шепп. — Что-то с ним не так. Глаза такие странные...

— Ты не понял? — удивился король. — Это же котолак.

— Погоди, разве ты не приказал истребить их всех?

— Покойный папаша Дерек заплатил за жизнь котолака столько серебра, что на него можно было скупить всех кошек королевства и несколько псарен на сдачу.

— Зачем он ему сдался?

— Прихоть его любовницы.

— Мамаши Дерек?

— Да. Похоже, она крутила лордом, как хотела.

— Но ведь котолак может быть опасен! Кто вообще пустил его к королю? А если бы он обратился?

— Остынь. Он потерял свое животное и не может обращаться. Ты так разнервничался... Или волнуешься из-за кольца?

— Нет, — ответил Шепп, быстро взглянув на короля. — Они никого не найдут.

— Знаешь, твоя инициатива похвальна, — сказал Дерек Нэш, когда они спустились по ступеням и, повернув за угол, вышли к конюшням. — Но что, если король не врал?

— Конечно, врал, — невозмутимо ответил Нэш, сосредоточенно глядя на кольцо. — Королева не живет при дворе больше десяти лет. Король не балует ее визитами. Последний раз он ездил в ее замок несколько лет назад.

— Альфин был так уверен, — задумался Дерек. — Может, он предпочитает мужчин?

— Тогда мы в заднице, — бросил Нэш.

— Мы?

— Куда заманчивее быть слугой короля, чем...

— Договаривай, — нахмурился Дерек.

— Чем его вассала, — выкрутился тот.

Чем обедневшего бастарда — вот что он хотел сказать.

Дерек вошел в конюшню, и Седой тут же тихонько заржал, приветствуя его. Он подошел к вороному коню, погладил теплую морду, зарылся пальцами в черную гриву, испещренную серебристыми прядками.

— Ладно, Нэш... Если нам удастся повернуть эту затею с незаконнорожденной и Лилейна достанется мне, можешь считать, что место советника за королевским тронном тебе обеспечено.

Тот ухмыльнулся и сплюнул на устланный соломой пол конюшни.

— Заманчивая перспектива — глотать пыль за бархатным стулом, но так уж и быть...

— И начинай уже следить за манерами, — посоветовал Дерек. — И языком.

— Угу, — промычал тот. — Я пробежусь по городу, кольцо обязано вспыхнуть! Начну с королевских кухонь. Как показывает практика, там обычно бастард бастардом погоняет.

— Не забудь, мальчики не подходят! — выкрикнул ему в спину Дерек.

Тот, обернувшись, ухмыльнулся и скрылся с глаз.

— А мы с тобой поищем хорошего кузнеца, — прошептал Дерек, похлопав коня по угольной шее, и вывел его наружу.

По утопанному двору сновали слуги: два поваренка тащили тушу поросенка, тонкая дорожка крови ниточкой протянулась следом, быстро впитываясь в песок; бабы, подоткнув фартуки, громко спорили о каком-то платье. Одна из дверей в замковой стене распахнулась, выпуская бочонок вина, мужик, крихтя выбравшийся следом, взмахнул факелом, и Дерек отшатнулся от пламени. Зашипевший, словно от злости, факел погас в корыте с подернутой зеленой пленкой водой, а Дерек задумчиво потер левое плечо, занывшее от старых ран.

— Милорд. — Конюх, упитанный мужичок с соломой в волосах, прижимал к груди перебинтованную руку и опасливо косился на коня. — Уж не обессудь, но на нашей кузне твоего коня не подкуют. Больно злобный. Разве вот если усыпить на время — у нас травница есть...

— Я тебя усыплю, — пригрозил Дерек.

— В городе есть кузнец, очень все его хвалят. Говорят, с самой дикой скотиной сладить может.

Седой фыркнул, демонстративно отвернувшись.

— Кажется, я о нем слышал, — задумался Дерек.

— Точно слышал! — обрадовался конюх. — О нем все знают. Где ваших слуг разместили? Я расскажу им, где кузня.

— Я добирался налегке. Сам отведу Седого.

— Тогда сейчас нарисую.

Конюх взял прутик и быстро начертил на земле карту, которая вышла на удивление понятной. Рынок он отметил яблоком, у набережной двумя штрихами изобразил рыбку.

— Потом прямо до самого храма, — пробормотал он, а в пыли появился росчерк, напоминающий скрещенные мечи, — а от него налево — Кошачий переулок.

— Кошачий? — переспросил Дерек.

— Так его называют. Вроде бы когда-то было другое название, но теперь его никто и не упомнит. Ты вряд ли пропустишь его, милорд.

Седой повернул к конюху морду, глядя злым черным глазом, и тот на всякий случай отодвинулся. Дерек кивнул, благодаря, и пошел прочь, ведя коня в поводу. Седой слегка припал на заднюю правую ногу и виновато косился на хозяина, прядая ушами.

Конюх мог и не рисовать карту — казалось, кошки всего города облюбовали переулок, узкой кишкой ответвляющийся от храмовой площади. Они стекались к нему разноцветными ручейками, указывая Дереку дорогу лучше компаса, усаживались в тени каменных стен, спали на выщербленных ступенях домов, лениво разглядывали прохожих равнодушными яркими глазами. Служительница храма вынесла на улицу миску, полную молока, и к ней тут же сбежался целый выводок котят.

Скульптура Великой матери, по обычаю, стояла перед фасадом храма. В правой руке она держала меч, замахиваясь на врагов, а в левой, заведенной за спину, наверняка прятала кинжал — таким суровым было ее лицо. Но на сгибе локтя — как только он забрался туда — спал полосатый рыжий кот, и казалось, Великая мать боится пошевелиться, чтобы не разбудить его.

Когда над головой тускло блеснула вывеска с наковальней и молотом, Дерек привязал Седого к кольцу, вделанному в стену, и, толкнув низкую дверь, нырнул в темноту. Он медленно прошелся по помещению, служившему чем-то вроде витрины, разглядывая и трогая кольчуги, мечи и пояса, украшенные заклепками. Работа мастера была добротной, но не особенно тонкой. Даже странно, что кузнец сумел снискать себе славу. Впрочем, чтобы подковать коня, тонкость и не нужна. Сумел бы совладать с Седым...

— Добрый день, господин. — Молодой подмастерье, появившийся из двери в углу, застал его врасплох, и он выронил круглую бляху с чеканкой воина.

Парнишка, гибко склонившись, поднял бляху, подкатившуюся к его ногам, положил к ремням.

— Что вы хотели?

— Подковать коня.

Парень понятиво кивнул и направился на улицу. Ему не пришлось пригибаться, чтобы пройти через низкий дверной проем. Он поправил фуражку, из-под которой выбивалось несколько рыжих прядок, подошел к коню. Дерек не успел и рта открыть, как он споро развязал повод, а Седой, не подпуская к себе чужаков, доверчиво ткнулся ему в плечо лбом. Парень улыбнулся, потрепал коня по ушам и повел за собой в ворота. А тот — Дерек глазам своим не верил — послушно пошел следом, даже не оглядываясь на хозяина.

— Из тебя получился бы отличный конокрад, — заметил он, следуя через широкий проход. Кузнец разумно устроил его — здесь могла бы проехать и телега, требующая починки.

— Отец не одобрит, — ответил парень, не оборачиваясь, и Дерек хмыкнул — как будто единственное, что удерживало мальчишку от того, чтобы и вправду воровать коней, — это запрет папаша.

Они вышли на задний двор, где под навесом располагалась открытая кузня. В каменном колодце из стен домов звон молота отражался и множился так, что воздух вибрировал от гула. Завидев сына, кузнец отложил молот и вышел к ним, вытирая руки об изгвазданный фартук. Он подошел к коню, и Седой потянулся в его сторону, вздергивая губу, но парень обхватил черную шею и что-то зашептал в доверчивое ухо. Он гладил коня, успокаивая, пока кузнец осматривал копыто.

— Так вот в чем твой секрет, кузнец, — усмехнулся Дерек. — Может, и в моем замке пригодился бы слуга, умеющий разговаривать с лошадьми.

Подмастерье бросил быстрый взгляд на Дерека. В светло-зеленых глазах — по-кошачьему раскосых, как у Нэша, — заплясали солнечные искорки.

— Я займусь вашим конем позже, — буркнул кузнец и пошел назад к наковальне.

— Я спешу, — возмутился Дерек.

— У меня есть срочная работа. — Кузнец даже не глянул на него.

— Ты знаешь, кто я?

Черные, глубоко посаженные глаза кузнеца поднялись на миг на Дерека, пробежались по серебряным перьям на жилете, задержавшись на полосе бастарда, перечеркивающей нагрудный знак с парящим орлом.

— Знаю. — Его глаза спрятались под нависшими косматыми бровями.

— Чей же заказ тебе важнее, чем серебряного лорда?

— Короля.

Кузнец тискаами вытащил из печной пасти раскаленный меч, за которым потянулись жадные языки пламени, и Дерек отошел подальше от тихо ворчащего огня.

— Королю срочно понадобились мечи?

— Говорят, — неохотно ответил кузнец, — он снаряжает охрану для Лилейны, чтобы доставить ее к жениху. Еще говорят, что серебряный лорд сам бы обеспечил клинки и сопровождение невесты. Да и свадьбу сыграли бы во дворце...

— Поменьше слушай пустую болтовню, — раздраженно посоветовал Дерек. Он вышел из кузни и уселся прямо на траву, опершись спиной на стену. Плотная рубаха прилегала к телу,

стянутая жилетом, и Дерек чувствовал, как она промокает от пота. В горах уже холодно, по утрам кончики волос белеют от инея, и воздух вырывается изо рта паром... А в Белой гавани царил влажный зной, как будто короткое лето решило здесь задержаться.

Вот оно, настоящее проклятие лесного народа — отец-солнце будто не желает смотреть на землю, где больше не осталось его диких детей, и дни становятся все короче, а ночи длиннее и холоднее. В этом году в предгорьях едва успели собрать урожаем овса, а ведь раньше, Дерек помнил, на южных склонах вызревал виноград. Если следующее лето окажется еще короче, в стране настанет голод.

Дерек стащил жилет и бросил его на траву, усыпанную маргаритками. По одной из внутренних стен дворика полз густой вьюнок, укрывая ее мелкими зелеными листьями, белые цветы нежно благоухали. Седой подошел к хозяину ближе, обнюхал расшитую серебром ткань жилета и, разочарованно фыркнув, отвернулся. Подмастерье принес ведро с водой, но конь сначала потянулся к мальчишке, а уж потом, получив ласку, принялся пить.

— Ты, верно, похож на мать, — заметил Дерек, разглядывая парня. Ничего общего с кузнецом. Хотя тот зарос бородой по самые брови, кто знает — если его побрить, может, сходство и обнаружится.

Подмастерье лишь пожал плечами.

— Напой и меня, — сказал лорд.

Парень послушно скрылся в доме. Появившись с блестящим кубком — не иначе для дорогих гостей, вернулся к колодезю, зачерпнул воды из ведра.

— Угощайся, милорд.

Дерек отхлебнул, и зубы свело от холода. Парень рассматривал его с плохо скрываемым любопытством, но и на него самого было приятно взглянуть: нежные, как у девчонки, губы, темные брови прямым разлетом до висков и зеленые глаза. В лице его чудилось что-то знакомое. Парнишке на вид лет пятнадцать, а может, и меньше — на гладких щеках ни намека на пушок.

— Ирга, а ну, поди сюда! — прикрикнул кузнец.

Ирга? Девчонка? Дерек выпрямился, разглядывая тонкий силуэт. Девушка подхватила тяжелые даже на вид клещи, прижала конец раскаленного меча. Отвернула лицо, укрывшись козырьком фуражки от искр, летящих из-под молота. Интересно было бы стащить с нее эту дурацкую шапку, а заодно и бесформенную рубаху, и посмотреть, что под ней прячется. Дерек усмехнулся своим мыслям, не спеша допил воду. Он бросил кубок на траву и закрыл глаза, откинув голову к стене.

Ирга натирала жесткой тряпицей ложки, отлитые отцом, но взгляд ее то и дело устремлялся за окно — к мужчине, спящему у стены. В кузню однажды уже заходил толстый лорд Гровер из замка на перешейке, про которого говорили, будто он сожрал собственную жену в голодную зиму. Зубы у него были золотые и жутко блестели, когда он улыбался. На одной из скал перешейка находится самая известная тюрьма королевства. Там уже который год сидит Шестипалый Джонатан, убивший больше тридцати женщин. Говорят, он несколько раз пытался сбежать, и надсмотрщики отрубили ему ноги.

Ирга поежилась и снова быстро взглянула на серебряного лорда. Вдруг он помог бы, если бы она попросила...

О чем бы Ирга ни думала, мысли вновь и вновь возвращались к побегу.

Отец держал ее в доме как пленницу.

Нет, конечно, она выходила на улицу, но в последнее время он все реже отпускал ее одну. Дошло до того, что и на рынок стал ходить вместе с ней, а потом и вовсе — сам. По его словам, от людей — одни беды, и все вокруг только и думают, как бы причинить ей вред.

Запахи железа, дыма и сажи пропитали не только кузню и двор, но и весь их крошечный домик. И стены его, покрытые несмываемым слоем копоти, давили на Иргу, даже когда она закрывала глаза. Раньше, по ночам, она выбиралась на крышу и сидела там, поджав колени к груди. Внизу спал город — муравейник с извилистыми улочками, очерченный несколькими кольцами защитных стен, которые расширяли по мере того, как рос город. Ирга запрокидывала голову и смотрела в небо. Звезды словно дышали вместе с ней, наполняя душу чувством,

которому она не знала названия. И ей казалось, что она вот-вот взлетит.

А потом отец поймал ее на крыше и через день поставил на окно ее комнаты решетку, на которой даже не было замка.

На подоконник снаружи запрыгнула дымчатая кошка, и Ирга, улыбнувшись, впустила нежданную гостью. Та грациозно вошла внутрь, подставила голову под ладонь девушки и улеглась рядом, устроившись между кольчуг, ожидающих починки.

— Я убегу от него, — сказала Ирга кошке, и та прикрыла светло-зеленые, как у нее самой, глаза, будто бы соглашаясь.

Она могла бы пойти в услужение к лорду. Ему пригодился бы слуга, умеющий обращаться с лошадьми, — он сам так сказал. А она и с лошадьми ладит, и с собаками. И что с того, что она девчонка?

Ирга бросила блестящую ложку и принялась натирать следующую.

Или она может попробовать устроиться на один из больших кораблей, что приплывают в порт. Они привозят диковинные товары и запахи других стран. Там тоже наверняка пригодился бы толковый парень, умеющий обращаться с оружием и не гнушающийся любой работы. Ирга засунула руку под фуражку и поскребла вспотевшую голову. От косы было жарко, но отец запрещал показывать волосы.

А еще он не разрешал взять котенка.

Она любила отца. Но иногда думала, что это лишь потому, что ей некого больше любить.

Она могла бы убежать с серебряным лордом.

Он выглядит добрым.

Наверняка не съел ни одной жены. Ведь серебряный лорд и не был женат.

— Это что, бастард с Серебряной горы? — прошамкала за ее плечом старуха, и Ирга подпрыгнула от неожиданности.

— Юсуфа! Ты подкрадываешься, как лесной дух! — возмутилась Ирга.

— Точно он, — подслеповато прищурившись, сказала старуха. Она поставила на подоконник корзинку с одуряющим ароматом выпечки и грибов и отогнала потянувшуюся на запах

кошку. — А хорош зараза. Может, правду говорят, что в нем кровь лесного народа.

— Конь у него чудесный, — ответила Ирга, ожесточенно натирая ложку.

— Конь? — возмутилась Юсуфа. — Так тебя отец никогда замуж не выдаст! Конь... — повторила она, качая головой. — Хотя оба этих жеребца не для тебя. Вот бы поглазеть на их свадьбу с Лилейной. Пара выйдет на загляденье, если про нашу Золотую Рыбку хоть сколько не врут. А ты так и останешься в девках, если будешь одеваться как мужик!

— Меня Петер замуж звал, — сказала Ирга.

— Петер? Это который кожевенника подмастерье или пекарь?

— Пекарь, — ответила Ирга, разглядывая черного как ночь коня, который невозмутимо щипал траву у ног своего хозяина. Гриву с седыми прядями перебирал ветер, бросая на траву пожелтевшие листья яблонь из соседского сада. Снова осень. Как рано...

— Так это же просто подарок Великой матери! — воскликнула Юсуфа. — С ним ты будешь как сыр в масле кататься. У него и пекарня, и земля у самых городских стен.

Ирга пыталась примерить на себя теплое счастье, пахнущее свежим хлебом, звучащее топотом босых ножек и детским смехом, но отчего-то оно казалось ей чужим.

Юсуфа вырвала у нее из рук блестящую ложку, и Ирга, спохватившись, взяла следующую.

— Не хватает тебе мамкиной руки, — сокрушенно покачала головой старуха. — Ты б хоть приделалась когда как девица, а то ж стыдоба...

Ирга только отмахнулась.

— Спасибо за пирог! — крикнула она в спину старухе, которая пошла домой, ворча себе под нос.

Солнце покатилося к зубцам королевских башен, распухло, подрумянилось, как свежий каравай. Лучи вспыхнули на стриженных волосах лорда, свернувшихся тугими серебряными колечками, высветили короткую щетину на щеках. За распахнутым воротом рубашки виднелся шрам, выползающий на шею бурым щупальцем.

— Моего коня подкуют сегодня? — спросил лорд, открывая глаза. И Ирга подумала, что его могли прозвать серебряным только за цвет глаз — светло-серых, сверкающих на солнце.

— Сейчас, — буркнул кузнец, выходя из-за наковальни. — Ирга, поддержи.

Ирга подвела коня ближе к кузне.

— Какой ты сильный, какой хороший, — шептала она ему в бархатное ухо. — Вот бы хоть раз прокатиться на таком скакуне. Ты, верно, быстрее, чем птица, легче, чем ветер...

— Что ты ему шепчешь? — спросил лорд, появившись из-за спины.

— Я говорю, что хотела бы на нем прокатиться, — ответила Ирга, разбирая пальцами спутанные серебристые прядки в гриве.

Отец бросил на нее тяжелый взгляд из-под косматых бровей, вытаскивая щепу, застрявшую в копыте коня, который смирно стоял, опустив голову к плечу девушки.

— Я мог бы отвезти тебя до самых гор, — предложил лорд.

— Моя дочь — честная девушка! — вспыхнул кузнец.

— Я предложил ей прокатиться на моем коне, а не на мне, — отрезал лорд. — Делай свою работу, кузнец. Ты и так слишком долго заставил меня ждать.

Ирга гладила коня по чуткой шее, искоса поглядывая на его хозяина. Вот бы и вправду увидеть их свадьбу с Лилейной. Юсуфа говорила, что у теперешней королевы свадебное платье было таким длинным, что подол, расшитый жемчугом, несли десять маленьких девочек — по пять с каждой стороны. Жемчужины потом находили прямо на площади перед храмом — то ли портнихи плохо их пришили, то ли нитки порвались случайно. Фата по краю была красной, словно ее окунули в кровь. Говорили, так захотела сама невеста, чтобы почтить память своего первого жениха, погибшего на войне с лесными, а также весь свой народ, вырвавший победу ценой великих потерь. Другие говорили, это потому, что король взял ее силой еще до свадьбы и невеста не была девственной. Но болтунов потом находили с отрезанными языками, так что сплетни быстро прекратились.

Руки Ирги скользили по бархатной шее коня: узкие ладони огрубели от домашней работы, ногти коротко обрезаны, по

краю чернеет каемка, которая не вымывается никаким мылом. Вот у принцессы ручки наверняка мягкие, белые, и совсем скоро серебряный лорд наденет на ее палец драгоценное кольцо. Ирга машинально сунула палец в рот, откусила свежий заусенец и, встретив насмешливый взгляд лорда, нахмурилась.

Конь загарцевал, пробуя подковы, тихонько фыркнул. Отец, обтерев руки о фартук, молча скрылся под навесом кухни, а лорд вынул из кошелька несколько серебряных монет и вложил Ирге в ладонь. Пальцы его сжались, рука скользнула выше, погладив запястье. Ирга замерла, сбитая с толку его прикосновением.

— Хочешь, возьму тебя с собой, — предложил он. Взгляд опустил на ее губы, пробежал вниз по шее. — Покажу Серебряные горы, Золотой водопад. — Он вдруг стащил с ее головы шапку и небрежно швырнул на траву. Толстая рыжая коса развернулась змеей до пояса. — Я все думаю, как бы ты выглядела, если бы расплела косу.

Ирга растерянно глянула на него. Кузнец грохотал инструментами, повернувшись к ним спиной, и лорд, ободренный ее молчанием, приподнял ее подбородок, погладил пальцем нижнюю губу, как вдруг на задний двор ворвался высокий взъерошенный мужчина с такими яркими желтыми глазами, каких она никогда еще не видела.

— Как тебе удалось найти ее первым? — воскликнул он, протягивая руку со сверкающим перстнем.

Лорд быстро снял его с руки мужчины и вдруг надел на палец Ирги. Польшнуло так, будто в их двор упала звезда. А потом все погасло. Ирга растопырила пальцы, чтобы слишком большой для нее перстень не соскользнул. Лорд надел ей кольцо? Они что, обручились? Белый камень сиял, слегка потрескивая, пока совсем не потух.

— Ты едешь со мной, — приказал серебряный лорд, и сердце Ирги сжалось.

Лилейна всегда знала, что однажды отец ее продаст. Единственную принцессу Белой гавани, Золотую Рыбку, что несла корону ее владельцу, хотели купить многие, и она давно смирилась с тем, что ее мнением в этом вопросе интересоваться не будут. Она лишь надеялась, что муж оценит свою королеву по

достоинству — она умела себя вести, была красива, умна, а ее приданое нивелировало мелкие недостатки характера. С будущим супругом они могли бы стать друзьями и соратниками.

Если бы только им был человек.

Лилейна разгладила несуществующие складки на юбке. Мать только что буквально вынесли из тронного зала. Она зашла в истерику, когда король зачитал им письмо. Вот оно — в его руке, покрытой веснушками словно ржавчиной. Маленький клочок бумаги с разошедшей восковой печатью. Ее приговор. Лилейна сдержанно улыбнулась, посмотрев на отца.

— Какой удобный выход, ваше королевское величество. Ведь все они уже за меня заплатили, так? Все претенденты на мою руку и на корону. Ты получил цену не раз и не два. Белую гавань снабжали продовольствием, обеспечивали товарами, серебряный бастард своими клинками сдерживал горные кланы. А потом ты отказал им всем. Как ловко! Признайся, ты сам написал это письмо?

Король поерзал на троне, но вместо него ответил советник, похожий на большое насекомое — такой желтой и сухой выглядела его кожа.

— Скорбь переполняет сердце короля, — проскрежетал он. — Белая гавань защищена с севера горным перешейком и серебряными клинками, с юга островные башни Гаррена потопят любые корабли, несущие угрозу, но мы ничего не можем противопоставить дракону. Он сжег замок серебряного бастарда, и это счастье, что у Дерека не так много людей. Вы только представьте, принцесса, что будет, если дракон прилетит в Белую гавань.

Лилейна представила. Крыши домов здесь теснились так близко, что ребятишки бегали по ним, как по улицам, и матери за них не боялись.

— Похоже, дракон — перевертыш, — подал голос король. — Попробуй с ним поладить. Твоя мать хорошо учила тебя?

— Чему она должна была научить меня, отец? Не кричать слишком громко, когда муж бьет? Выполнять все его приказы?

— Все верно, — усмехнулся тот. — Выходит, она не такая уж дура. Ты отправляешься завтра.

На Лилейну вдруг накатила волна понимания, а затем и страха. Слишком быстро. Она рано научилась управлять муж-

чинами, играть на их желаниях, использовать слабости. Но сейчас она не успеет, не сможет ничего изменить. Отца не зря прозвали Железным. У него слабостей нет — он легко отправляет единственную дочь в пасть чудовищу. Ее ладони вспотели, и она положила руки на деревянные подлокотники кресла, чтобы на голубой юбке не осталось влажных пятен.

— Дракон ведь обосновался в Диком лесу?

— Верно, в замке на Драконьей горе, — кивнул Альфин, рассматривая дочь. — Три года назад ты была пухлой, как квашня. Теперь в тебе виден стержень. Правда, Шепп? — повернулся он к советнику.

— Принцесса очень красива, — равнодушно поддакнул тот.

— Если дракон собирается меня сожрать, то не все ли равно? — спросила Лилейна. — Я пойду к себе, если позволите, — сказала она, поднявшись. Зал поплыл перед ее глазами, но она вцепилась в деревянную спинку, украшенную резными рыбками, выпрямилась.

— Надеюсь, ему действительно нужна жена, — сказал Альфин. — Теперь я вижу, что ты можешь стать неожиданно сильным союзником. Кто бы мог подумать, что Золотая Рыбка окажется с зубками... Останься, мы не виделись так давно. — Король склонил голову набок, рассматривая Лилейну совсем не так, как отец — дочь.

— Возможно, больше и не увидимся, — ответила Лилейна. — Не могу сказать, что мне будет не хватать тебя, папа.

Она направилась прочь из зала, и за ней, не отставая ни на шаг, двинулись три королевских стражника. Лилейна недоуменно обернулась.

— Они станут приглядывать за тобой, — пояснил король. — Ты слишком дорога мне, чтобы потерять.

Лилейна вернулась в свою комнату, сопровождаемая чеканным шагом охраны, закрыла дверь и осмотрелась. Здесь ничего не изменилось: все та же кровать с розовым балдахинном, расшитым звездами, у окна — кукольный дворец. Они с матерью уехали из столицы, когда Лилейне было шесть. Очевидно, никто не думал, что покои ей понадобятся снова. Дверь скрипнула, служанка робко заглянула в щель.

— Пошла вон, — сказала Лилейна, и дверь тут же захлопнулась.

Принцесса Белой гавани подошла к игрушечному дворцу, присела, не обращая внимания на смявшиеся юбки, и взяла куклу-короля, сидящую на троне. Лилейна крепко обхватила маленькую деревянную голову, увенчанную короной, и резко повернула. Шея с хрустом переломилась. Бросив обезглавленного короля на пол, Лилейна взяла игрушечный трон и опустилась на кровать.

Дверь снова приоткрылась, Лилейна уже собралась прикрикнуть на непонятливую служанку, но в комнату вошла мать. После истерики остались лишь опухшие глаза да неровные красные пятна на белой коже. Королева села на кровать рядом с дочерью, взяла ее за руку и ахнула, уколотившись об острую ножку трона.

— По сути, это всего лишь стул, — сказала Лилейна, рассматривая игрушку. — Он променял меня, свою дочь, на стул.

— Он прикрывается заботой о народе, — произнесла королева.

— Вот именно, что прикрывается. Что на уме у дракона — не известно никому. Может, он сожжет Белую гавань после того, как съест меня. Или трахнет. Или сначала трахнет, а потом съест.

— Зря я позволяла тебе играть с детьми прислуги, — вздохнула мать.

— Я говорю как есть.

— Лилейна, девочка моя. — Королева обняла ее, притянула голову к груди, погладила по золотым волосам, уложенным в высокую прическу. — Альфин кое-что упустил. А что, если дракону тоже нужен престол? Тогда ему нужна и ты, живая и невредимая.

— Мама, — холодное лицо Лилейны исказилось, — я не хочу выходить замуж за чудовище! Не хочу!

Она зарыдала, и королева заплакала вместе с ней.

— Это ошибка, — уверенно сказала Ирга. — Папа, скажи им!

— Ты — дочь короля, — повторил лорд, — и идешь со мной. Это приказ.

Она внимательно всматривалась в лицо серебряного лорда, но он, кажется, не шутил.

Отец угрюмо посмотрел на лорда, перехватил удобнее молот.

— Так, — слуга выставил вперед ладони, — кузнец, успокойся.

Зрачки в его глазах сузились до крохотных точек, уши прижались к голове. Кузнец недоуменно посмотрел на него.

— Ты что... Ты — не человек? — пробормотал он.

— Папа, скажи, что это невозможно! — потребовала Ирга. — Наверное, моя мама была королевских кровей! — озарило ее.

— Ты — дочь короля, — повторил лорд. — Кто твоя мать — не важно. Я должен доставить тебя во дворец прямо сейчас, пойдем.

— Никуда она не пойдет, — встрепенулся кузнец, разглядывающий слугу. — Ирга, я тебе не разрешаю!

— Но если ты мне не отец, — Ирга прикусила дрожащую губу, — ты не имеешь права запрещать мне. Ты знал? Ты обманывал меня? Всю мою жизнь?

— Что вам от нее надо? — хмуро спросил лорда кузнец, игнорируя ее вопросы.

— Не твое дело, — отрезал тот. — Девчонка права — ты ей никто.

Серебряный лорд перехватил Иргу за руку повыше локтя, потащил за собой. Конь затрусил следом, а замыкал цепочку слуга, который шел спиной вперед и не сводил глаз с кузнеца. Но тот так и не сделал попытки их остановить. Хуже того — он молчал. Ирга оборачивалась, ловила его взгляд, но видела лишь горечь и растерянность в его глазах.

— Куда мы идем? — обиженно спросила она.

— Во дворец, — ответил серебряный лорд, сияя, как его нагрудный знак. — Мы нашли ее. Это невероятно!

«Точно. Невероятно», — подумала Ирга. Она — дочь короля и идет во дворец.

Лорд помог ей взобраться на коня, и Ирга вцепилась в гриву. Рядом мелькнуло удивленное лицо Юсуфы, из окна булочной высунулся Петер. «Принцесса, — произнесла Ирга про себя. — Принцесса Ирга. Звучит так себе. Глупо звучит, на самом деле».

— Пойдите, — попросила она, дернувшись, чтобы слезть с седла. — Я не хочу. Я не могу так уйти.

— Что, еще не все ложки натерла? — спросил серебряный лорд, вскочив на коня, и Ирга поняла, что он наблюдал за ней.

— Зачем я понадобилась королю? — спросила Ирга. Близость мужчины смущала ее, еще больше сбивая с толку. Она чувствовала спиной его грудь, шершавые серебряные перья, нашитые на жилет, царапнули плечо.

— Узнаешь, — коротко ответил лорд.

Может, король хочет дать ей денег? Чтобы его дочь, пусть и незаконная, жила в благополучии. Или устроить какой-нибудь выгодный брак. Ирга покосилась на сильные руки, уверенно держащие поводья. Теперь, выходит, они ровня. Говорят, Лилейне нашли другого жениха. А что, если ее — Иргу — выдадут за серебряного лорда? Тогда она поедет в горы, увидит водопад, который на закате горит золотом, узнает мир за пределами городских стен. В голове мысли кружились, как мотыльки вокруг огня: хаотично мельтешили, вспыхивали и умирали. В конце концов она решила — будь что будет.

— Нэш, поручи Седого конюху, а мы к королю, — сказал лорд, когда они подъехали к стенам дворца.

— Может, ее стоит переодеть, а уж потом представлять папаше? — предложил тот, оглядывая наряд Ирги.

— Верно, — согласился лорд, помогая ей спешиться. — У нее рыжие волосы, как у короля.

— А больше никакого сходства.

— Платье ничего не изменит. Но ты прав. Давай попытаемся привести нашу находку в приличный вид.

— Я и так выгляжу прилично! — вспыхнула Ирга, которой надоело, что о ней говорят как о вещи. — И я не собираюсь идти в ваши комнаты!

— Обещаю, что не стану покушаться на твою честь, — бросил через плечо лорд, волоча ее за собой.

Ирга попыталась упираться, но серебряный бастард этого, кажется, даже не заметил. Он протащил ее через боковой вход, провел коридорами, в которых шаги звучали гулко, как в колоде, и втолкнул в комнату.

— Нэш, побудь с ней, — приказал он мужчине, который вошел следом. — Никуда не отпускай. Стереги, как мышиную нору.

— Тебе никогда не надоест, да? — недовольно заметил Нэш, но дверь за лордом уже захлопнулась.

— О чем это вы? — спросила Ирга, осматриваясь. Почти всю комнату лорда занимала кровать, и девушка вдруг осознала, что осталась здесь наедине с незнакомым мужчиной.

— Стереги, как мышиную нору, — повторил Нэш слова лорда. — Он вечно поддразнивает меня. Я котолак.

Ирга повернулась к нему, забыв про все свои страхи. Крупный нос с чуть приплюснутыми ноздрями, удлинненные уши — кончик одного то ли оторван, то ли обрезан. Мужчина улыбнулся, и за мягкими губами показались острые клыки.

— Котолаков больше нет, — не поверила Ирга.

— Я последний в своем роду.

— Врешь! — выпалила она. Прежде она видела котолаков лишь на картинках в их животном обличье: огромные кошки с широкими лбами, черной плюшевой шерстью и когтями острыми, как ножи, считались одними из самых опасных созданий Дикого леса. До того, как их всех уничтожили.

— Клянусь.

— Обернись, — потребовала она, и мужчина чуть нахмурился.

— Не могу. Это длинная и печальная история, которую тебе незачем знать.

— Тогда чем докажешь?

— Ну, у котолаков шершавые языки, как у котов. — Он многозначительно улыбнулся.

— Покажи.

— Ты точно этого хочешь? — Он вдруг оказался совсем близко.

Ирга кивнула.

Котолак склонился к ее лицу так, что желтые глаза вспыхнули совсем рядом. Теплые мягкие губы настойчиво прижались к ее губам, и в следующий момент Ирга резко двинула ему коленом. Нэш охнул от боли, согнулся пополам, быстрый удар кулаком пришелся ему прямо в нос.

— Забыл сказать — не трогай ее, Нэш. — В комнату, приоткрыв дверь, заглянул лорд. — Что у вас происходит?

— Она врзала мне по яйцам, Дерек! — простонал Нэш, все так же сгибаясь от боли.

— Он пытался засунуть язык мне в рот! — выкрикнула Ирга. — Только попробуй сделать это еще раз, и клянусь, я тебе его вырву!

— Ты сама захотела убедиться, что он шершавый!

— Ты мог бы просто его высунуть!

— Я же не собака! Дерек, она вообще нормальная? — страдальчески спросил Нэш.

— Не уверен, — сказал Дерек, наблюдая за ними. — Но держись подальше от нее, Нэш.

— Мог бы и раньше предупредить, — пробурчал тот, разгибаясь и опираясь на подоконник, глубоко дыша.

— Я о том, чтобы ты держал при себе свои лапы. Она все же дочь короля, хоть и незаконнорожденная.

— Ладно.

— Я серьезно.

— Да я и сам уже ничего не хочу, — проворчал он. — Иди.

Дерек снова ушел, а Ирга присела на край кровати, обхватив себя руками, настороженно глядя на Нэша.

— Ты вообще не похожа на принцессу, — заметил Нэш, сядься с ней рядом.

— Знаю, — буркнула Ирга. — Лорд сказал тебе держаться подальше от меня.

— Кто тебя вообще учил так обращаться с мужчинами?

— Папа.

Нэш хмыкнул, осторожно ощупал нос.

— Кузнец, похоже, хотел, чтобы ты осталась старой девой и жила с ним до старости.

— Вот и неправда! — вспыхнула Ирга. — Если хочешь знать, мне сделали предложение совсем недавно! Петер.

— Петер? Кто это?

— Булочник с нашей улицы.

— И что не так с Петером?

— В смысле? — нахмурилась Ирга.

— Ну, у меня все еще побаливает нос и другие части тела, и мне сложно представить, что кто-то добровольно хочет взять тебя в жены, — улыбнулся он.

Нэш сидел совсем рядом, зрачки в его глазах снова расширились, ноздри дернулись, как будто он принюхивался к ее запаху, и Ирга вскочила с кровати, отошла к окну.

Вода в гавани искрилась золотом с алыми всполохами, отражая свет крупной желтой луны и красной звезды, — Великая мать поехала по небу на огненной колеснице. Багряная полоска солнечного диска вспыхнула последний раз и утонула в море. Вдали виднелись огни сторожевых башен острова. Скала, уходящая в воду с левой стороны, напоминала голову дракона, пришедшего на водопой, с правой к горизонту «хвостом» вытянулся причал, и казалось, будто вся гавань — это изогнутое тело исполинского чудища.

— Говорят, Лилейну отдают замуж за кого-то другого, — произнесла Ирга чужим голосом и повернулась к мужчине.

— Совсем скоро, — подтвердил Нэш. Он растянулся на кровати, закинув руки за голову, закрыл глаза. Черная рубаха обтянула широкою грудь и крепкие плечи.

— Может, серебряному лорду понадобилась другая невеста?

— Его зовут Дерек, — сказал он. — Серебряный лорд — так пафосно звучит.

— Я даже не подозревала... — запнувшись, она продолжила: — Что я дочь короля.

Отец у нее и так был. Сейчас, наверное, он гасит огонь в кузнечной печи, садится за стол. А она ведь даже не успела приготовить ужин. Хоть бы он нашел пирог Юсуфы, который так и остался в корзине.

— А кто твоя мать?

— Обычная женщина, — ответила Ирга. Она обвела взглядом комнату и, не найдя стульев, присела на край кровати. — Она умерла при родах. Меня вырастил папа. Вернее, я всегда думала, что он мой отец. А теперь я даже не знаю, как все так получилось.

— Может, твоя мать наврала, что ребенок от него, — не открывая глаз, предположил Нэш. — А он и не знал...

— Нет, он знал, он точно знал. Когда вы с серебряным лордом... Дереком пришли с кольцом и все вспыхнуло, а вы сказали, что я — внебрачная дочь короля, папа даже не удивился.

— Я заметил. Так ты, выходит, хочешь за Дерекка замуж?

Жить в собственном замке, наряжаться в красивые платья, раздавать приказы слугам... Это счастье сверкало серебром и казалось недостижимо высоким, как полет орла. Ирга подтянула к себе покрывало, накинула на озябшие плечи — в коро-

левском дворце оказалось куда холоднее, чем в их крохотном доме.

— Не знаю, — честно ответила она. — Это как-то слишком...

— Не веришь своему счастью? Ну, и не радуйся раньше времени, — посоветовал Нэш. — Скорее всего, за Дерека выдадут Лилейну, как и планировалось, а тебя отдадут другому.

— Кому? — встревожилась Ирга.

— Завтра узнаешь... Слушай, Дерек приказал тебя стеречь, а я сутки не спал и обегал полгорода. Так что давай сделаем так... — Он потянулся, схватил ее косу и намотал себе на руку.

— Ай! — вскрикнула Ирга, упав на подушку.

— Ты ведь не станешь отрезать себе волосы? — спросил Нэш, закрывая глаза. — Похоже, это единственное, что в тебе есть женственного.

— Пусти, — прошипела она, пытаясь выдернуть косу.

Его глаза на миг приоткрылись. Желтые, как расплавленное золото, удлиненные, с чуть приподнятыми внешними уголками. Нечеловеческие.

— Дай поспать, а? — попросил он. — Устал как собака.

Он снова закрыл глаза. Ирга сердито на него посмотрела, но в итоге легла рядом, устроившись как можно дальше, подтянула ногой покрывало и, свернув его, положила между собой и мужчиной. Он еще раз открыл глаза, усмехнулся, глянув на преграду между ними, и уснул.

— Просыпайся, высочество. — Кто-то погладил ее по щеке, потом довольно бесцеремонно потряс за плечо. Ирга очнулась, села в кровати, поморгала. Свет теплым ломтем падал из узкого окна на каменный пол. Желтые глаза Нэша искрились двумя солнышками, он выглядел отдохнувшим и довольным. — Пора знакомиться с папочкой... Так и будешь молчать? Отличное качество для женщины, — похвалил он. Повернувшись к подоконнику, снял с него поднос и, сев рядом с Иргой, приподнял крышку с серебряной тарелки. — Бутерброды с семгой, пастрома и сыр.

— Где?

— Были тут, но ты слишком долго спала. Я принес тебе булочек.

Ирга взяла одну, откусила.

— Петер и то лучше печет.

— Мифический Петер, который хочет на тебе жениться?

Ирга недобро на него посмотрела.

— Впрочем, теперь-то ему лучше закатать губу, — заметил Нэш. — Я вот и то закатал.

— Ты что, хотел бы жениться на мне?

— Не то чтобы жениться... — усмехнулся он.

Ирга глянула на него исподлобья, жуя булку, которую явно испекли даже не вчера.

— Вчера Дерек так и не смог попасть к королю, тот никого не принимал, — сообщил Нэш. — Вот, он принес тебе перекладную.

Ирга взглянула на платье, лежащее в изножье кровати, на которой — вот стыдоба — она спала вместе с мужчиной. Сначала она все ворочалась, пытаясь унять бешено колотящееся сердце и найти положение, в котором коса, зажатая в руке Нэша, не сильно бы натягивалась. Потом рассматривала потолок, украшенный лепниной, и ждала, когда же явится серебряный лорд и проведет ее к королю, которого даже в мыслях не получалось назвать отцом. Затем пыталась вытянуть косу из цепкой лапы спящего котолоака, хотя Ирга все еще сомневалась, что он ей не наврал насчет себя. А потом и сама не заметила, как провалилась в сон.

— Зеленое, — продолжил Нэш. — Подходит к твоим глазам. Дерек сказал, тебе надо быть готовой через полчаса.

— Что? — воскликнула Ирга, едва не подавившись булкой.

— Но я решил дать тебе поспать, — добавил Нэш. — Ты такая милая, когда спишь и не дерешься... Так что у тебя минут десять от силы.

Ирга вскочила с кровати, схватила платье, приложила к себе. Оно выглядело по-настоящему роскошным — с кружевом по подолу, бархатным поясом... и шнуровкой на спине.

— Мне нужна помощь! — воскликнула она.

— Я всегда к твоим услугам, принцесса, — ухмыльнулся Нэш. — Давай я сначала помогу тебе раздеться.

— Так, выйди, — сказала Ирга. — Сейчас же.

— Не-а. — Нэш взял серебряный кувшин с подноса и отпил прямо из него. Облизав молочные усы, добавил: — Дерек ска-

зал не спускать с тебя глаз. Подчиняться приказам — не мое, честно скажу. Но этот я выполню с радостью.

Ирга беспомощно осмотрелась и направилась к шкафу в углу. Распахнув дверки, сдвинула в сторону вешалки.

— Не позорься, это же шкаф, а не гардеробная! — воскликнул Нэш.

Ирга молча закрыла двери изнутри. Она стащила штаны, сбросила рубаху под ноги. Запутавшись в пышных зеленых юбках, не сразу попала в горловину нового платья. Натянув лиф и расправив рукава, выбралась из шкафа.

— Ого! — оживился Нэш. — У тебя, оказывается, есть...

— Что? — спросила она, когда пауза затянулась.

— Талия, — нашелся он. — Ты очень стройная.

— Затяни мне шнуровку, пожалуйста, — попросила она, поворачиваясь к нему спиной. — Сначала сверху и двигайся вниз, старайся равномерно тянуть, чтобы не скособоилось. Это не так-то просто. Однажды я помогала одеться соседке — она сдуру купила такое платье для праздника. Намажались мы с ней...

Ирга вздрогнула, когда Нэш уверенно потянул за шнурок.

— Ты уже делал это, верно? — спросила она, хватаясь за угол шкафа. Лиф затягивался все туже.

— Проницательность еще не раз пригодится тебе в жизни, принцесса.

— Меня зовут Ирга.

— Ирга, — повторил он, ловко продевая шнурок в петли, — интересное имя. Словно вода бежит по камешкам ручья. Готово, Ирга.

Она повернулась к нему, подтянула лиф выше.

— Кажется, оно мне великовато, — пожаловалась Ирга.

— Во дворце женщины не закрываются по шею, не стесняются. Тем более тебе есть что показать. Но вот твои волосы...

Ирга перекинула распушившуюся косу вперед, нахмурилась. Развязав ленту, распустила волосы и, быстро разобрав их снова на прядки, принялась переплетать.

— Вот бездна, — выругалась она. — Мне нужна расческа.

— Давай я попробую, — предложил Нэш.

Он заново расплел ее волосы, пропустил прядь между пальцами, любуясь цветом.

— Страшно спросить, где ты всему этому научился, — про-
бормотала Ирга.

— В монастыре, — ответил он, ловко заплетая косу. — Впро-
чем, лучше действительно не спрашивай.

Дерек вошел в комнату, когда Ирга завязывала ленту.

— Отлично, — оценил он. — Платье немного длинное, при-
держивай юбки, когда идешь. Король нас ждет.

В большом тронном зале звуки шагов поднимались к свод-
чатому потолку и отражались эхом. Говорили, дворец был по-
строен еще драконами, и сейчас Ирга в это поверила — в про-
емы дверей могла бы легко въехать повозка, а чтобы выгля-
нуть в одно из узких окон, человеку пришлось бы встать на
стул. Потолки и вовсе находились на такой высоте, что фре-
ски, украшающие их, сливались в одно бесформенное пятно,
как Ирга ни щурила глаза, чтобы их рассмотреть.

Ирга пошла вперед по выщербленному от времени и мно-
жества ног мрамору, ее руки, приподнимавшие подол, дрожали.
Серебряный лорд шел рядом, но казался далеким и недос-
тупным. Кроме совета придерживать длинные юбки, он не ска-
зал ей больше ни слова. Серые глаза были холодными, как
сталь. Если бы он хотел видеть ее своей невестой, то вряд ли
стал бы отгораживаться от нее словно ледяной стеной. Ирга
беспомощно обернулась, и Нэш, следующий позади, одобри-
тельно показал ей большой палец. Она невольно улыбнулась,
и вдруг увидела девушку, входящую в зал. Ирга никогда не ви-
дела ее прежде, но готова была поклясться, что знает ее — чи-
стая белая кожа, синие глаза, золотые волосы, убранные в высо-
кую прическу. Принцесса Лилейна, Золотая Рыбка Белой га-
вани. Ее сестра.

— Смотри вперед, — тихо сказал Дерек. — Это невежливо —
оглядываться, когда перед тобой король.

Словившись, Ирга повернулась и увидела своего на-
стоящего отца. Он сидел на троне, слишком большом для него,
да и вообще — для любого человека, закинув ногу на ногу. Каб-
луки на сапогах короля, подбитые золотом, сияли. Узкие,
плотно сжатые губы издали напоминали шрам. Кажется, он
вовсе не рад еще одной дочери? Она опустила голову, остано-

вилась возле серебряного лорда. Тот поклонился, и она, растерявшись, поклонилась тоже.

— Выпрямись, — прошептал Нэш сзади, — что ты делаешь?

Король встал с трона, спустился к ним. Золотые каблуки звонко цокали по мрамору. Он подошел так близко, что она почувствовала запах одеколона и вина.

— Ваша дочь, — сказал Дерек. — Ирга.

— Что? — К ним стремительно подошла женщина, которая могла бы быть очень красивой, если бы не перекошенная будто бы от спазма щека и красные воспаленные глаза. — Альфин! Это же прекрасно!

— Моя драгоценная королева, — ответил король, и обращение прозвучало язвительно, — я и не предполагал, что ты можешь обрадоваться подобному факту. Но я уверен, что Дерек ошибся.

Ирга подняла глаза на короля, и тот вдруг отшатнулся, побледнел.

— Не может быть, — прошептал он. — Этого не может быть. Она умерла!

— Альфин! Если она — твоя дочь, мы можем отправить ее вместо Лилейны! — Женщина почти кричала. Она схватила короля за руку, но тот вырвал ладонь, взмолился назад к трону, вцепился в его спинку, отвернувшись от них.

— Где ты нашел ее? — хрипло спросил он.

— В городе. Перстень указал на нее, ошибки нет, — твердо сказал Дерек.

— Это всего лишь магическая игрушка, — подал голос высокий, болезненно тощий человек из тени королевского трона.

— Это древний артефакт! — вмешался Нэш. — Если хотите, мы можем проверить его действие на Лилейне.

— Нет! — резко ответил король. — В этом нет нужды. У тебя глаза матери, — обвиняющим тоном сказал он, повернувшись к Ирге.

— Альфин, отправь ее вместо Лилейны, — настойчиво повторила королева.

— Куда? — подала голос Ирга, но никто не обратил внимания. Лишь принцесса Лилейна скользнула по ней взглядом, задержавшись на бархатном поясе платья. Ирга завязала его пышным бантом, а теперь заметила, что пояс принцессы спус-

кается вниз двумя лентами почти до пола. Развязать бант, пока на нее никто не смотрит? Ирга неуверенно взялась за конец пояса, выпрямила спину, стараясь держать осанку, как принцесса.

— Я надеюсь, больше нет поводов откладывать нашу помолвку с Лилейной? — В голосе серебряного лорда прозвучала едва различимая угроза.

— Боюсь, не все так просто, — ответил король. — Да, в письме не указано имя принцессы, однако речь идет явно о Лилейне. Я не хочу его злить. Никто не хочет.

— Кого? — снова тихо спросила Ирга, тронув локоть серебряного лорда.

— Мы отправим их обеих, — после паузы сказал король.

— Альфин! — Королева умоляюще прижала руки к груди.

— Ты будешь сопровождать их, Дерек, — продолжил король. — Одна достанется дракону. Вторая — тебе.

— Дракону? — прошептала Ирга.

Королева что-то кричала, красивое лицо Лилейны исказилось, серебряный лорд нахмурил брови и сжал челюсти так, что желваки выступили. Все поплыло перед глазами Ирги, стены вдруг пошатнулись, поехали вниз, и она рухнула на пол.

На потолочной фреске, распластав черные крылья, летел дракон, и пламя из его пасти извергалось бесконечной огненной рекой, переливающейся оттенками желтого, точно как глаза Нэша.

Ирга потеряла сознание.

Толпа на дворцовой площади бесновалась. Люди все прибывали и прибывали — лезли на постаменты статуй и крыши лоточников, мальчишки забрались прямо в фонтан, оседлав мраморных дельфинов, испускающих воду, — плевать, что вымокли насквозь, зато отсюда открывался отличный вид на ворота, через которые провезут принцессу.

Глашатаи зачитали письмо дракона в четырех концах города еще утром, когда красная звезда — колесница Великой матери — только-только погасла, а следом объявили, что король согласился отдать Золотую Рыбку Белой гавани, чтобы защитить свой народ.

Торговки цветами за один час сделали дневной оборот. Кто поспоровистей — успел перехватить товар конкурентов и теперь заламывал цену втрое. Женщины причитали и плакали, мужчины оглаживали бороды и прятали глаза. А когда на балкон над воротами вышел король — хмурый, непривычно блеклый без праздничной мантии и украшений, толпа взревела.

— Все вы уже знаете, что нас настигла великая печаль, — сказал он, и люди стихли, боясь упустить хоть слово. — Принцесса Лилейна, моя единственная дочь, кровь от крови — великая жертва. Но я приношу ее. Потому что все вы дети мои, и все под моей защитой. Помолимся же Великой матери, чтобы уберегла нас от огненной напасти и чтобы жизнь Лилейны стала достаточной платой за благополучие страны.

Он опустил голову в молчании.

Ворота под балконом распахнулись, и на дорогу, вдоль которой выстроились стражники, выкатилась открытая карета. Принцесса была в белом платье, словно невеста, легкая фата прикрывала лицо, оставляя золотые кудри свободными.

— Спасительница! Лилейна! Золотая Рыбка! — кричали люди. Цветы летели под ноги белым коням, запряженным в карету, падали на дорогу, на принцессу. Она не шелохнулась, даже когда кто-то попал букетом роз ей в лицо, и держала спину так прямо, точно ее приколотили к сиденью гвоздями.

Взгляды были прикованы к Лилейне, и мало кто обратил внимание на рыжую девушку, навзрыд плачущую в простой карете, которая ехала следом. Лишь широкоплечий мужчина с черной кудлатой бородой бросился следом, но королевская стража быстро его оттеснила.

Высокие серые стены дворца, возведенные так давно, что этого никто не помнил, постепенно удалялись. С холма, покрытого сухой травой, гавань виднелась как на ладони. Волны бежали по морю одна за другой, перечеркивая синюю гладь частыми белыми линиями, сливаясь у берега в сплошную молочную пену.

— Прости, — сказал Нэш.

Он забрался в карету к Ирге сразу после того, как они выехали из города. Она даже не повернулась, все так же глядя в окно, за которым, на взгляд Нэша, не было ничего интересно-

го: пустые скошенные поля да деревья, к которым уже притронулась осень.

— Знаешь, известие, что дракон собирается жениться, стало полной неожиданностью для меня, — сказал он, не дождавшись ответа. — Я думал, он вполне счастлив на своей Драконьей горе. А огнепоклонники наверняка дают ему столько женщин, сколько он может...

— Съесть? — быстро вытерев щеку, повернулась к нему Ирга.

— Нет, — усмехнулся Нэш. — Я хотел сказать другое слово.

— Ты видел дракона? — спросила она.

— Пару раз, когда он летал над Диким лесом. Выглядит завораживающе. Если ты выйдешь за него, попросишь, чтобы он меня покатал, по старой дружбе?

— Мы с тобой не друзья.

— Ну, мы спали вместе.

— И что, все, с кем ты спал, твои друзья? Судя по всему, ты и имен всех не вспомнишь, — заметила Ирга.

— Тут ты права. Так что, ты не обижаешься на меня?

— А тебе не все равно?

— Нет, — ответил Нэш. — Мне почему-то не хочется, чтобы ты на меня обижалась.

— Ладно, — вздохнула Ирга, — ты всего лишь слуга, который выполняет приказы своего лорда. Расскажи, что ты еще знаешь о драконе?

— Очень мало. Его никто не видел в человеческом облике, кроме, может быть, приближенных огнепоклонников. Но они не самые разговорчивые ребята — чтобы попасть на службу к дракону, нужно отрезать себе язык. — Он чикнул пальцами, будто ножницами, возле губ.

— Сурово, — поморщилась Ирга.

— А так он обретается в старом замке у горы, ест коз и дичь, которую ему приносят слуги, и никому сильно не докучает, кроме того случая, когда он спалил замок Дерёка.

— Может, дракон за что-то мстил?

— Кто знает, — пожал плечами Нэш и вытянул ноги. — До этого письма дракон не шел на контакт. Его не раз пытались убить, но никому не удавалось даже добраться до него. Те, кто проходил Дикий лес, попадали напрямик к его огненным слугам. Ну а с ними, как ты поняла, сложно найти общий язык.